

В. С. Христофоров
«ВОСТОЧНЫЕ ОКРАИНЫ» КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ
ВОСТОЧНОГО ОТДЕЛА ГПУ — ОГПУ (1922–1923)*

doi: 10.30759/1728-9718-2019-2(63)-104-111

УДК 94(470)“1922/1923”

ББК 63.3(2)613

В статье анализируются информационно-аналитические аспекты работы отечественных спецслужб в начале 1920-х гг. на территориях Советской России, которые именовались «восточными окраинами»: в Средней Азии и Казахстане, Крыму, на Северном Кавказе и в Закавказье. На основе анализа уникального комплекса архивных документов Восточного отдела ОГПУ делаются выводы о приоритетах в сборе сведений, об основных направлениях аналитической работы советских спецслужб в данных регионах. Опираясь на общепартийные установки по реализации стратегии «пробуждения Востока», ОГПУ тем не менее весьма специфически трактовало их и формулировало свои задачи в этом процессе. Очевидным приоритетом работы спецслужб являлось удержание «восточных окраин» в зоне влияния Москвы, а для этого требовалось выявление исторических и текущих форм их активности в локальном и глобальном масштабе и противодействие «восточным контрреволюционным организациям», наблюдение и воздействие на национальную интеллигенцию и мусульманское духовенство как на наиболее влиятельные социальные группы. Подобная установка шла вразрез с партийным курсом на включение наиболее активной и лояльно настроенной части местных элит в локальные и глобальные политические процессы. Документы свидетельствуют о том, что в фокусе непосредственного внимания «восточной контрразведки» был анализ исторических и настоящих форм национально-религиозного движения в каждом из регионов. Если историческая подоплека их развития была разработана весьма слабо, то текущие обстоятельства их существования оценивались во многом объективно: формы организации и деятельности представлялись многообразными, а взаимоотношения между группами, организациями и движениями — противоречивыми. В заключении делается вывод о том, что несбалансированность информационного обеспечения, наследование мировоззренческих установок периода гражданского противостояния в перспективе давали «восточным контрразведчикам» в центре большой простор для аналитических обобщений, слабо связанных с реальным положением дел в регионах.

Ключевые слова: *ОГПУ, Восточный отдел ОГПУ, «восточные окраины», Средняя Азия, Казахстан, Крым, Северный Кавказ, Закавказье, Татария, Башкирия, ислам в Советской России, национальная политика СССР*

Предварительные замечания

«Восточная» проблематика в применении к политике большевиков в первое постреволюционное десятилетие прочно ассоциируется с их многоплановыми усилиями по пересмотру национальных контуров бывшей Российской империи и закреплению позиций советской власти на периферии с целью дальнейшего продвижения мировой революции на

Восток. Реализация подобных региональных и глобальных задач была невозможна без целенаправленных усилий со стороны формирующейся советской разведки и контрразведки.

Очевидно, что сформированный в документах Восточного отдела (ВО)¹ Государственного

¹ Созданный летом 1922 г. Востокотдел (так он иногда именовался в документах) занимался и контрразведывательной, и разведывательной деятельностью, поэтому его структура изначально имела «смешанную» географическую привязку, объединяя «внутренний» и зарубежный Восток. Приоритетным направлением работы Востокотдела вплоть до его реформирования в 1930 г. оставалась контрразведывательная деятельность. Центр координировал и контролировал работу полномочных представительств, располагавшихся в южных и восточных районах страны. В ПП ГПУ — ОГПУ на местах были образованы восточные отделы (отделения, группы, специальные уполномоченные — в зависимости от численности проживавших в регионе представителей нерусских народностей). Подробнее об этом см.: Гусева Ю. Н. Восточное измерение деятельности ОГПУ: «Восток» между географией, знанием и политикой // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы: материалы X междунар. науч. конф. М., 2018. С. 440; Карташов А. А. Восточное направление в деятельности ВЧК — ОГПУ // ВЧК (1917–1922): к столет-

Христофоров Василий Степанович — чл.-кор. РАН, профессор, Российский государственный гуманитарный университет; г.н.с., Институт российской истории РАН (г. Москва)
 E-mail: xvsarhiv@rambler.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00310А «Ислам и мусульмане в восприятии российской политической и культурной элиты: проблемы формирования исламского дискурса в первой трети XX вв.» (рук. Ю. Н. Гусева)

политического управления (с ноября 1923 г. — Объединенного государственного политического управления; ОГПУ) образ «собственно-го» и зарубежного «Востока» и «восточных окраин»² Советского государства был лишен аналитической абстрактности, свойственной имперской или советской востоковедческой науке, но вместе с тем именно он часто имел решающее значение при принятии политических решений высшим руководством страны. В недрах советских спецслужб формировались образы «хорошего» и «плохого» мусульманина, буддиста; «красного» и «контрреволюционно настроенного» представителя национально-религиозной элиты. В связи с этим значение предложенной нами темы в контексте понимания советской национальной и профессиональной политики, трактовки модуля взаимоотношений «центр — регионы» на ранних этапах становления большевистского государства невозможно переоценить.

Цель нашего исследования — определить основные информационно-аналитические подходы советских спецслужб к освещению ситуации на «восточных окраинах» Советской Республики в начальный период ее существования. Для этого мы ответим на следующие вопросы: 1) какую роль, по мнению Востокоддела, «восточные окраины» играли в развитии революционного движения в России и за ее пределами; 2) какими методами и в каких формах следовало освещать и трактовать процессы, происходившие на «восточных окраинах» в 1922–1923 гг.

Направленность и содержание «восточно-го» вектора работы большевистских спецслужб в первые годы их существования, как правило, остаются малоисследованными. Исключение составляют работы Д. Ю. Арапова,³ Ю. Н. Гусевой.⁴ Вопросы выстраивания взаимоотношений между центром и «восточными окраинами» в практике работы Восточного отдела ГПУ — ОГПУ до настоящего времени находятся вне исследовательского поля, поэтому введение в научный оборот оригинальных

источников этой структуры имеет большую академическую значимость. Кроме прочего, они позволяют внести вклад в изучение истории отечественных спецслужб в наиболее проблемный, малоисследованный период их становления в новых исторических условиях.

Источниковую основу исследования составили документы Центрального архива ФСБ России — материалы Восточного отдела ГПУ — ОГПУ: обзоры политического и экономического положения РСФСР (1922) и СССР (1923–1930); обзоры положения на «восточных окраинах» СССР и сопредельных с ними стран (1922–1925);⁵ информационные сводки и аналитические записки по Средней Азии, Казахстану, Крыму, Северному Кавказу, Башкирии и Татарии, по «контрреволюционным организациям» Кавказа, Туркестана и Крыма. Изучаемые нами делопроизводственные документы позволяют сложить весьма объемное представление об основных целевых установках, методах и формах работы региональных структур ОГПУ в отношении нерусского неправославного населения интересующих нас регионов.

«Восточные окраины» как акторы революционного процесса

«Восточные окраины», представлявшие собой разнородные по национальному и культурно-религиозному составу регионы Советского государства, являлись новым и сложным объектом для отечественных спецслужб, ориентированных на реализацию задач, поставленных партийно-советским руководством. Среди партийных установок ключевыми были: удовлетворение национальных притязаний региональных элит с учетом интересов Москвы; блокирование центробежных тенденций, сформировавшихся в имперский период и в годы Гражданской войны; стремление (особенно заметное в 1918 — начале 1920-х гг.) использовать представителей «восточных» народов для реализации планов «пробуждения Востока» и, в конечном итоге, для свершения мировой революции.

Вслед за принятой партийной риторикой и доминировавшими в сознании большевиков установками, «Восток» в документах

тию создания: сб. статей и документов. М., 2017. С. 349–364; Христофоров В. С. История страны в документах архивов ФСБ России: сб. ст. и материалов. М., 2013. С. 202–209.

² Под «восточными окраинами» в документах ВО ОГПУ понимались Северный Кавказ, Закавказье, Крым, Казахстан, Средняя Азия, Дальний Восток и Сибирь.

³ Арапов Д. Ю., Косач Г. Г. Ислам и мусульмане по материалам Восточного отдела ОГПУ. 1926 год. М.; Нижний Новгород, 2007.

⁴ Гусева Ю. Н. Российский мусульманин в XX веке (на материалах Среднего Поволжья). Самара, 2013.

⁵ Источниковедческий анализ этой группы документов см.: Христофоров В. С. Описание «внутреннего» и зарубежного востока в обзорах советских спецслужб 1920–1930-х годов: темы, термины, идеи // Тр. Ин-та востоковедения РАН. 2018. Вып. 17. С. 235–248.

руководителя Востокотдела Якоба Петерса⁶ наделялся мощным революционизирующим началом, способным перевернуть ход истории, разрушить глобальную колониальную систему. Я. Петерс активно использовал в своих первых циркулярных письмах 1922–1923 гг. термин «Восток», обозначая им единую геополитическую, культурно-идеологическую и политико-экономическую общность. Однако, как было показано Ю. Н. Гусевой, в своей работе «восточная контрразведка» последовательно рассматривала «Восток» как объект своего профессионального интереса в трех проекциях — как «внутренний Восток», «восточные окраины» и «зарубежный Восток». «Восток» выступал не только как географическая, но и как культурно-историческая и политическая категория, как сфера интересов России в колониальном мире, как объект воздействия центра.⁷

В одном из циркулярных писем начальник Восточного отдела объяснял повышенное внимание контрразведки к окраинам бывшей Российской империи так: «...во-первых, нерусское население на наших окраинах составляет самое меньшее 30 млн человек, т. е. не менее 25 % всего населения СССР, а во-вторых, оно распределено главным образом как раз по тем окраинам, которые (как Кавказ, Средняя Азия), с одной стороны, являются районами наиболее удобными в стратегическом отношении для интервенции, а с другой — включают наиболее жизненные источники сырья».⁸

Опираясь на личный опыт борьбы с так называемым басмачеством в Туркестане, а также отстаивая необходимость выделения работы по «Востоку» в отдельное направление, Я. Петерс неоднократно подчеркивал, что именно

окраины являются самой проблемной и опасной «Востока»: «Восток сейчас приобретает исключительную важность, на нем все выше вздымается волна национально-освободительного движения, но на наших окраинах (волны национально-освободительного движения. — В. Х.), используя контрреволюционный элемент, начинают течь во враждебном Соввласти направлении... [Если] мы общими усилиями поставим чекистскую работу на Востоке на должную высоту, то устраним одну из самых серьезных опасностей, угрожающих Советской власти».⁹ Однако представления контрразведчиков о роли и месте представителей элиты «восточных окраин» заметно отличались от позиции партийного руководства, намеревавшегося дать «управляемую» свободу национальным и религиозным лидерам, выражавшим желание сотрудничать с большевиками.

Восточный отдел о «контрреволюционном элементе» на «восточных окраинах»: от сбора данных к практической работе

Обе стороны — центр и регионы — понимали, что поставленная «перед органами ГПУ на восточных окраинах задача удержания окраин в орбите интересов Москвы чрезвычайно сложна не только сама по себе, но и в силу того, что подобный подход к работе... является совершенно новым и непривычным»:¹⁰ впервые нерусские народности, проживавшие в Средней Азии, на Кавказе и в других регионах, становились специфическим объектом работы отечественных спецслужб. Этот объект, по мнению наблюдателей, постоянно подвергался воздействию «национальной и религиозной контрреволюции».

С чего была начата работа по блокированию так называемой национальной и религиозной контрреволюции? Кого и что конкретно должны были аналитически препарировать местные работники спецслужб, с кем работать и в чем априори подозревать? Документы свидетельствуют о том, что в фокусе их непосредственного внимания было прошлое и настоящее национально-религиозного движения в каждом из регионов, а также деятельность наиболее заметных представителей местных элит.

На начальном этапе работы «восточная контрразведка» осуществляла сбор информации об истории «подопечных» регионов с точки зрения их социально-экономического

⁶ Петерс Яков (Якоб, Екаб) Христофорович (1886–1938) — уроженец Бринкенской волости Газенпотского уезда (сегодня — Айзпутская волость Айзпутского края Республики Латвия), латыш, выходец из семьи батрака, образование начальное, член партии с 1904 г. После неоднократных арестов за революционную агитацию эмигрировал в Германию, затем в Великобританию. В феврале 1917 г. вернулся в Россию, с декабря 1917 г. — в органах госбезопасности: прошел путь от секретаря до руководителя Восточного отдела ОГПУ. Член Туркестанского бюро ЦК РКП(б) (июль 1920 г.— декабрь 1921 г.), член Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР (июль 1920 г. — декабрь 1921 г.), руководитель ПП ВЧК в Туркестане (август 1920 г. — ноябрь 1921 г.), начальник Восточного отдела ГПУ — ОГПУ (июнь 1922 г. — октябрь 1929 г.). Член Президиума ЦК партии, член бюро комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б). Расстрелян 25 апреля 1938 г. Похоронен на полигоне Коммунарка. Реабилитирован 3 марта 1956 г.

⁷ См.: Гусева Ю. Н. Восточное измерение деятельности ОГПУ... С. 434–446.

⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 655. Л. 27–43.

⁹ Там же. Л. 16–20.

¹⁰ Там же. Л. 20–26.

и политического развития. В циркулярных письмах, направленных Я. Петерсом и его командой на места в 1922–1923 гг.,¹¹ перед «восточными органами ГПУ» ставились задачи «по приобретению и изучению материалов по истории национально-религиозного движения народов Востока». Подобные сведения должны были сводиться местными силами в исторические обзоры «национально-религиозного движения стран Востока» и «восточных окраин», представлявшие ход развития нерусских народов в материалистическом освещении.¹²

Однако задача, поставленная перед сотрудниками полномочных представительств (ПП), ввиду их слабой теоретической и практической подготовки была трудновыполнимой. Именно поэтому местные представительства, в свою очередь, регулярно обращались в Восточный отдел с просьбами прислать им соответствующую литературу и материалы. Я. Петерс же в своих письмах не раз подчеркивал, что центр надеялся расширить свои знания о «Востоке», получая информацию с мест, и поэтому настоятельно требовал от местных органов ГПУ при поддержке местных коммунистов и представителей национальной элиты собирать историческую и текущую информацию.¹³ В итоге складывалась тупиковая ситуация: Москва также не располагала ни литературой страноведческого характера, ни материалами по национально-психологическим и религиозным особенностям населения на «восточных окраинах», т. е. теми данными, в которых так нуждались местные кадры-«восточники».

Архивные документы свидетельствуют о том, что между Восточным отделом и ПП ОГПУ Татарской и Башкирской АССР, Северного Кавказа и Закавказья, Крыма, Казахстана и Средней Азии происходил регулярный обмен информацией, но ее качество в начальный период часто оставляло желать лучшего. Так, в циркулярном письме Востокотдела (февраль 1923 г.) отмечалось, что ни один местный «восточный орган» не информирует Москву о своей работе согласно разосланному плану месячных докладов:

«Такое игнорирование ясных и определенных указаний ведет к тому, что большинство докладов, присылаемых с мест, до сих пор состоит из собственных рассуждений или материалов газет и менее всего из действительных материалов по чекистской линии».¹⁴

Среди прочих обстоятельств, затруднявших сбор и анализ информации на местах, назывались и слабость работы местных органов, и недостаточное руководство ими со стороны ПП. Однако наиболее весомой причиной недостаточного информационного сопровождения работы спецслужб была недооценка важности данных сюжетов, неверная расстановка приоритетов. Так, в одном из циркуляров 1923 г. Я. Петерс с явным раздражением указывает на недочеты работы регионалов на Кавказе, в Закавказье и Туркестане: «Здесь очень характерна слабость аппарата и связей ТуркГПУ (Туркестанского ГПУ — В. Х.) с местами. Поскольку последний находится в территориальном отношении в узбекской среде, постольку его внимание и сосредотачивается на ней, совершенно не замечая положения в других районах, а соответствующие Политотделы ГПУ проявляют обычное недопонимание стоящих перед ними задач. Аналогичное явление наблюдается и в отношении ЗакЧКа (Закавказской чрезвычайной комиссии — В. Х.) — находясь в Грузии, она всецело работает по грузинским меньшевикам, только поверхностно касаясь дашнаков,¹⁵ и то лишь в пределах деятельности их в Тифлисе. Уже Армения выпадает из поля ее зрения, что же касается Азербайджана, то здесь разработки национально-религиозной контрреволюции совершенно отсутствуют. ПП ГПУ по Юго-востоку находится в непосредственном окружении русской и казачьей контрреволюции и, опять-таки, в силу психологических причин не уделяет достаточно внимания горской контрреволюции, хотя силы последней далеко не так потрепаны, как Северокавказской русской».¹⁶

¹¹ Более подробно об этом см.: Гусева Ю. Н. Первые циркуляры Восточного отдела ОГПУ 1922–1923 гг.: советская контрразведка и «восточный» вектор российской политики // Отеч. архивы. 2018. № 2. С. 56–61.

¹² ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 19. Л. 178–189.

¹³ ВО ГПУ разработал план составления исторического обзора национально-религиозного движения стран Востока и рекомендовал излагать факты в материалистическом освещении, сопровождая изложение анализом социально-экономических предпосылок (ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 19. Л. 178–189).

¹⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 655. Л. 27.

¹⁵ Дашнаки — представители армянской политической партии «Дашнакцутюн», созданной в 1890 г. в Тифлисе; патия действовала на территории Российской и Османской империй, Ирана, США, ряда стран Европы. Правящая партия в Республике Армения (май 1918 г. — декабрь 1920 г.). В ноябре–декабре 1920 г. после военного вторжения турецких кемалистов и советских войск в Республику Армения, руководство партии эмигрировало. В феврале 1921 г. под руководством партии «Дашнакцутюн» произошло восстание, партия до апреля 1921 г. находилась у власти. В ноябре 1923 г. официально распущена на территории СССР и продолжила свою деятельность за рубежом.

¹⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 655. Л. 27–43.

В итоге мы не обнаруживаем в материалах центрального аппарата ОГПУ и региональных структур исторических и текущих обзоров положения стран и народов «Востока» с развернутой аналитикой, позволяющей вскрыть, увязать и объяснить причины и ход текущих событий с предыдущим ходом развития народностей, с учетом специфики их культурного кода. Это давало аналитикам в центре большой простор для обобщений, слабо связанных с реальным положением дел в регионах.

Помимо составления обзоров об историческом и текущем положении местным «восточникам» от контрразведки следовало сосредоточить свое внимание на наблюдении за национальными лидерами и духовенством как за наиболее влиятельной социальной группой в среде «восточных» народов. В документах Востокотдела мусульманское духовенство, как правило, именовалось как «панисламистская» группа, в то же время ему приписывались «националистические» черты, когда религиозные лидеры в силу разных причин шли на контакт с социально активными представителями национальных элит.

В связи с этим полномочным представителям в 1923 г. было предписано:

а) серьезно взяться за учет и изучение всех более или менее видных деятелей национально-религиозного движения, как можно шире используя богатейшие сведения, имеющиеся в архивах царской охраны и жандармских управлений. Помимо этого, последние дают очень много для выяснения всех старых связей и методов работы;¹⁷

б) организовать строгое негласное наблюдение за перепиской, переездами отдельных деятелей, как в пределах СССР, так и за границей, обратить внимание на всех иностранных учащихся, выяснить, какие приготовления ведутся по организации массового паломничества в Мекку;

в) установить наблюдение за личным составом государственных и частных туземных тор-

гово-промышленных и прочих научных, литературных и т. п. обществ, миссий, консульств, различных комиссий государств и т. д., и т. п.¹⁸

Центр предлагал регионам следующее видение организационных возможностей «национально-религиозной контрреволюции на восточных окраинах». Она не имела определенной целостной программы, партийной дисциплины, единого центра и представляла собой разнородную смесь организаций, групп, партий, которые находились в постоянном «броуновском движении» — в состоянии зарождения, функционирования, разрастания противоречий, трений внутри и со сторонними структурами, и распада. «Если какая-нибудь из них расширяется более или менее, то, в силу указанных выше причин, разветвления их являются весьма самостоятельными и вполне отнесены к центральной организации быть не могут», — отмечал Я. Петерс.¹⁹ Единственной партией, которая, по мнению наблюдателей, была организована по европейскому типу и требовала особого внимания, являлась азербайджанская партия «Мусават».²⁰

Причинами внутренних антагонизмов были как национальные обстоятельства, так и религиозные (сунниты — шииты, кадимисты/традиционалисты — джадиды/модернисты) и сугубо субъективные (честолюбие отдельных лидеров). Несмотря на свою разнородность, по мнению контрразведки, подобные организации были едины «в плоскости общности интересов — до революции борьбы с царизмом, теперь же с Советской властью».²¹

Итак, основное внимание региональных ПП в первую очередь было направлено на организации, объединения, группы национально-религиозной элиты на местах. Так, ПП ОГПУ Крыма регулярно посылало в центр докладные записки и сообщения о деятельности татарских националистических группировок и мусульманского духовенства, армянских партий «Гнчак»²² и «Дашнакцутюн». Казахстан,

¹⁷ Позднее, в 1925 г., Центральный архив РСФСР подготовил циркуляр № 93 «Об ограничении использования документальных материалов агентурных отделов охранных отделений и жандармских управлений и особых отделов Департамента полиции», направленный заведующим губернскими, областными и краевыми архивными бюро. Согласно циркулярам, материалы «агентурных отделов охранных отделений, жандармских управлений и особых отделов Департамента полиции» объявлялись закрытыми для общего пользования и могли выдаваться по специальному разрешению руководства архива. В то же время названные материалы органам ОГПУ предоставлялись без специального разрешения и ограничения (ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 4. Д. 177. Л. 1–7).

¹⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 655. Л. 27–43.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Мусават» — азербайджанская партия, образованная в 1911 г. в Баку под названием «Мусульманская демократическая партия Мусават». В годы Гражданской войны 1918–1920 была одной из главных антибольшевистских сил в Азербайджане. С апреля 1920 г. — в подполье. В 1926–1927 гг. лидеры партии арестованы и расстреляны.

²¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 655. Л. 27–43.

²² «Гнчак» — социал-демократическая партия, старейшая из армянских политических партий. Основана в 1887 г. После победы советской власти в Армении лидеры партии объявили о самоликвидации в пределах СССР.

по мнению сотрудников ОГПУ, подвергаясь непосредственному воздействию со стороны националистических кругов Татарии, Башкирии и Туркестана, представлял собой вполне благоприятную почву для «восточной контрреволюции», проводником которой была «Алаш-Орда»,²³ обладавшая большой поддержкой элиты. Именно поэтому спецслужбы в Казахстане держали под своим постоянным контролем бывших «алашордынцев», которые, по их мнению, «по-прежнему критически относились к мероприятиям Советской власти, но внешне скрывали свое настроение».²⁴

ПП ОГПУ по Туркестану сообщало в центр о том, что партия «Иттихаде-ислам»²⁵ и организация «Махкама-йе-Шари», поддерживаемые мусульманским духовенством, якобы стремятся вовлечь в национальное движение молодежь из кишлаков.

На Северном Кавказе большим разнообразием отличались течения национально-религиозной элиты. Они в большей степени представляли собой слабо организованные «панисламистские» группы, которые часто низводились до уровня «бандитских формирований».²⁶

Вполне адекватные, на наш взгляд, оценки форм (но не содержания) социально-политической активности представителей «восточных» регионов, а также аморфность их политических структур вынуждали местных контрразведчиков переключать свое внимание не только на организованную социальную активность мусульман в региональном и мировом масштабе (к примеру, на съезды Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) в Уфе и на мусульманские конгрессы за рубежом, на паломничество в Мекку), но и на конкретных персонажей. Центр ставил перед регионами задачу контролировать составы делегатов съездов, внедрять в их число своих людей, не допускать

принятия съездами резолюций антиправительственного характера. Бесперывный процесс возникновения — рассеивания, внутренних столкновений между «восточными» группами и лидерами, по мнению Востокотдела, лишал их, по сравнению с европейскими партиями, конспирации и создавал «несравненно лучшие технические условия для агентурной работы».²⁷

Другим важным направлением практической работы становилась поддержка разногласий между прогрессивной (джадиды) и традиционно настроенной частями мусульманского духовенства (кадимисты), а также дискуссий внутри ЦДУМ о равноправии женщин, об отношении к турецкому халифу²⁸ и халифату и пр. Так, ПП по Северо-Кавказскому краю обращало особое внимание на суфийских духовных авторитетов — шейхов и их последователей (мюридов) — в Дагестане, Чечне, Ингушетии и в других областях края.²⁹

Итак, в центре «контрреволюционной» повестки вполне ожидаемо (с учетом марксистской парадигмы трактовки политической ситуации и конкретных данных) оказалась вся национальная элита и представители неправославных конфессий «восточных окраин».

«Восточные окраины» в глазах работников советской контрразведки представляли собой специфический объект для изучения и воздействия. Являясь частью «восточной» программы завоевания мирового господства, они, тем не менее, были «слабым звеном» этого действия. В то время как партийные лидеры упорно призывали к включению в процесс упрочения позиций Советов представителей национальной элиты (к примеру, они представляли Туркестан как «лабораторию» мировой революции, способную перенести революционный пожар в Персию, Афганистан, Индию, далее — везде),³⁰ а советские спецслужбы на словах

²³ «Алаш-Орда» — «антисоветский партийно-правительственный» центр, стоящий во главе Алашской автономии в Казахстане (1917–1920). Несмотря на амнистию, объявленную в 1920 и 1927 гг. членам «Алаш-Орды» советским правительством, они находились под постоянным контролем советских органов безопасности и подвергались необоснованным политическим репрессиям.

²⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране 1922–1934. М., 2001. Т. 2. С. 110.

²⁵ «Иттихаде-ислам» («Единение ислама») — партия, сформированная в сентябре 1917 г. в Азербайджане. По мнению советского партийного руководства и ОГПУ, относилась к так называемой панисламистской партии. В 1920 г., после восстановления советской власти в Азербайджане, существенная часть членов партии эмигрировала.

²⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 68; Оп. 3. Д. 525, 539, 551–554; Оп. 4. Д. 388; Оп. 7. Д. 677; Оп. 8. Д. 881. Оп. 11. Д. 1520.

²⁷ Там же. Оп. 1. Д. 655. Л. 27–43.

²⁸ Халиф — в ряде стран мусульманского Востока титул верховного правителя, соединяющего духовную и светскую власть. 3 марта 1924 г. Мустафа Кемаль подписал указ об упразднении Халифата в Турции и приказал правителю Стамбула вынести решение о выдворении из Турции халифа Абдулмаджида до утра следующего дня.

²⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 19. Л. 178–189; Ф. 2. Оп. 2. Д. 693; Оп. 3. Д. 526. Л. 19.

³⁰ «Туркестан... с точки зрения мировой революции, является лабораторией, которая изготавливает вещество для воспламенения революции в Персии, Афганистане и Бухаре», — говорил в 1920 г. Г. Бройдо, член Туркестанской комиссии ЦИК и СНК (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 88. Л. 800б.–830б. Цит. по: Россия и Центральная Азия. Конец XIX — начало XX века: сб. документов и материалов. М., 2017. С. 322).

и в документах обозначали важность поддержки национально-освободительного движения за пределами Советской России, на деле же они видели угрозу в активизации национально-религиозных элит и всю свою деятельность направляли на блокирование любых форм их активности.

Контрразведчики на местах были несвободны в своих оценках: Москва «программировала» регионы на четкую ментальную установку времен Гражданской войны — на поиск так называемых контрреволюционных угроз, способных привести к ослаблению позиций центра и, как следствие, к усилению внешнего влияния. Несмотря на то что к моменту создания Востокотдела в июне 1922 г. иностранная интервенция практически сошла на нет, в сознании сотрудников контрразведки борьба с центробежными тенденциями оставалась явным практическим и теоретическим императивом, а «восточные» контрразведчики продолжали мыслить категориями Гражданской войны.

Анализ опубликованных и неопубликованных документов ЦА ФСБ России, в которых содержится информация по обстановке в Казахстане, Крыму, на Северном Кавказе, в Закавказье и Туркестане, позволяет сделать вывод о том, что обмен информацией о ситуации «на восточных окраинах» в центре и на местах выстраивался неравномерно и проблематично. Требование Я. Петерса к региональным восточным отделам начать свою работу с комплексного изучения «восточных окраин» с привлечением представителей местной партийной и непартийной элиты было, очевидно, маловыполнимым. Причинами утопичности идей руководителя Восточного отдела был и отказ от сотрудничества с академическими экспертами-востоковедами старой школы,

и отсутствие ведомственных, а также сторонних идеологически подкованных востоковедов и специалистов по исламу, буддизму и пр. Зато сотрудники советских спецслужб использовали материалы имперского МВД, в которых содержались сведения и оценки деятельности национально-религиозных лидеров интересующих регионов до событий 1917 г. Дореволюционные материалы раскрашивали образы жителей «восточных окраин» и исламскую традицию в сходных красках так называемого панисламизма, пантюркизма, угрожающих государственной целостности России. Это совпадение дискурса спецслужб имперского и постимперского периодов объясняет на первый взгляд парадоксальное систематическое обращение советской контрразведки к материалам дореволюционной эпохи, что, в свою очередь, формировало оценочную призму ОГПУ в отношении «Востока».

Подобно тому, что оставило после себя имперское МВД, результатом информационно-аналитической деятельности Восточного отдела ГПУ — ОГПУ за годы его работы стало накопление значительного объема информации «компрометирующего» характера в отношении лидеров национально-религиозных движений, групп, организаций, отстаивавших собственную точку зрения на проблемы национального строительства. И если в 1922–1923 гг. речь шла о большой вариативности и многообразии форм национально-религиозной жизни «восточных народов», то во второй половине 1920-х — 1930-е гг. в аналитическом инструментарии ОГПУ будет доминировать идея о наличии единого «контрреволюционного» центра, а усилия местных работников будут направлены на выявление ячеек подобных организаций на местах.

Vasilij S. Khristoforov

Member of the RAS, Russian State University for the Humanities; Institute of Russian History of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: xvsarhiv@rambler.ru

“EASTERN MARGINS” AS AN OBJECT OF STUDY OF THE EASTERN DEPARTMENT OF THE GPU — OGPU (1922–1923)

The article analyzes the information and analytical aspects of the soviet intelligence services work in the early 1920s in the “eastern margins”: Central Asia and Kazakhstan, the Crimea, the North Caucasus and Transcaucasia. Based on the analysis of original archival documents of the Eastern Department of the OGPU, conclusions are drawn about priorities in gathering information, main areas of analytical work of the Soviet intelligence service in these regions. Relying on the general party directions on implementation of the “awakening the East” strategy, the OGPU, nevertheless, had very specific interpretation of them and formulated own tasks in this process. The obvious priority of the special services work was to keep the “eastern margins” under the influence of Moscow.

Achieving this goal required identifying historical and current forms of their activity at local and global scales; opposing “eastern counter-revolutionary organizations”; surveilling and influencing national intelligentsia and the Muslim clergy as the most authoritative social groups. Such directions were at odds with the party line on the inclusion of the most active and loyally-minded part of local elites into local and global political processes. The documents demonstrate that the focus of attention of the “eastern counter-intelligence” was on analyzing historical and modern forms of the national religious movement in these regions. The historical background of their development was weakly elaborated, but the current circumstances of their existence were assessed objectively in many respects: forms of organization and activities were considered diverse, relationships between groups, organizations and movements were assessed as contradictory. The author concludes that the imbalance of information support, the inheritance of ideological attitudes of the civil confrontation period will provide the OGPU Eastern Department of with a great scope for analytical generalizations weakly connected with the real situation in the regions.

Keywords: *Joint State Political Directorate, Eastern Department of OGPU, “eastern margins”, Central Asia, Kazakhstan, Crimea, Northern Caucasus, Transcaucasia, Tatarstan, Bashkiriya, islam in Soviet Russia, Soviet national policy*

REFERENCES

- Arapov D. Yu., Kosach G. G. *Islam i musul'mane po materialam Vostochnogo otdela OGPU. 1926 god* [Islam and Muslims on the materials of the Eastern Department of the OGPU. 1926]. Moscow; Nizhny Novgorod: Medina Publ., 2007, 130 p. (in Russ.).
- Guseva Yu. N. *Rossiyskiy musul'manin v XX veke (na materialakh Srednego Povolzh'ya)* [Russian Muslim in the 20th century (on the materials of the Middle Volga Region)]. Samara: Ofort Publ., 2013, 416 p. (in Russ.).
- Guseva Yu. N. [Eastern dimension of the OGPU activities: “East” between geography, knowledge and politics]. *Uroki Oktyabrya i praktiki sovetskoy sistemy. 1920–1950-ye gody: materialy X mezhdunarod. nauch. konf.* [Lessons of the October Revolution and the practices of the Soviet system. 1920–1950s: Proceedings of the 10th Intern. Sci. Conf.] Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; Prezidentskiy tsentr B. N. El'tsina Publ., 2018, pp. 434–446. (in Russ.).
- Guseva Yu. N. [The first circulars of the Eastern Department of the OGPU 1922–1923: the Soviet counterintelligence and the “eastern” vector of Russian politics]. *Otechestvennyye arkhivy* [Domestic archives], 2018, no. 2, pp. 56–61. (in Russ.).
- Kartashov A. A. [Eastern direction in the activity of the VChK–OGPU]. *VChK (1917–1922): k stoletiyu sozdaniya: sbornik statey i dokumentov* [VChK (1917–1922): to the centenary of creation: a collection of articles and documents]. Moscow: IRI RAN; TsA FSB Rossii Publ., 2017, pp. 349–364. (in Russ.).
- Khristoforov V. S. [Description of the “internal” and foreign East in the reviews of the Soviet special services of the 1920s–1930s: themes, terms, ideas]. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN* [Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the RAS], 2018, iss. 17, pp. 235–248. (in Russ.).
- Khristoforov V. S. *Istoriya strany v dokumentakh arkhivov FSB Rossii: sbornik statey i materialov* [The history of the country in the documents of the FSB of Russia archives: a collection of articles and materials]. Moscow: IRI RAN Publ., 2013, 960 p. (in Russ.).